

Библиографический список

1. *Алефиренко Н. Ф.* Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. 97 с.
2. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. Изд. 3-е, стер. 123 с.
3. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 236 с.
4. *Зайнуллина Л. М.* Лингвокогнитивное исследование адъективной лексики. Уфа: РИО БашГУ, 2003. 256 с.
5. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, Наука, 2004. 296 с.
6. *Taylor J. R.* Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory. Oxford, Oxford Univ. Press, 1995.

О. А. Чалмова

Когнитивно-прагматические особенности производного знака в политическом дискурсе

Эволюцию лингвистических исследований, начиная с XX в. и по сей день, можно описать в терминах системоцентрической и антропоцентрической модели языка.

С точки зрения системоцентрической модели (ярким представителем которой является структурализм) язык, и, впоследствии, текст как объект исследования представляют собой цельную, связную, особым образом структурированную систему. В рамках структурализма система рассматривалась как «вещь в себе», замкнутая стационарная формация, характеризующаяся поуровневой архитектурой и связностью составляющих ее элементов.

В антропоцентрической модели система человека представляет собой динамическое открытое образование, что предполагает сообщение и взаимодействие с другими системами, изоморфизм систем. Речь человека рассматривается как реализация потенциала языковой системы, обусловленная спецификой контекста порождения и уникальностью говорящего. В рамках новой коммуникативно-прагматической парадигмы, доминирующей в современном языкознании, становится возможным по-новому взглянуть на природу, казалось бы, детально изученных языковых явлений. Актуальным становится изучение комплексного взаимодействия раз-

ных систем в процессе коммуникации, что позволяет связать лингвистические феномены с глубинными ментальными структурами говорящего, участвующего в производстве социального знания; рассмотреть текст как продукт коммуникативного взаимодействия, уделив особое внимание процессам его порождения и восприятия.

В центре нашего исследования – выбор, организация и оперирование словообразовательным материалом в ткани текста в целях эффективной реализации интенциональной заданности коммуникативного сообщения, где производное слово является не только системно-структурным, но и суггестивным, когнитивно-прагматическим элементом политического текста. Специфика политического дискурса предполагает эффективное использование лингвистического инструментария в прагматических целях, наличие явного либо скрытого механизма манипулирования массовым сознанием, и, в конечном итоге, формирование и распространение в массах новой идеологии. Обращение к политическому дискурсу, манипулятивная природа которого несомненна, позволяет по-новому взглянуть на природу производных слов, описать заложенные в них возможности манипулировать сознанием реципиента и тем самым осуществлять социальную власть.

Настоящее исследование проводится с учетом доминирующей позиции адресанта (актора) по отношению к адресату (реципиенту).

Автор сталкивается с проблемой расположения, выбора и распределения наиболее значимых информационных пластов задолго до момента продуцирования дискурса. Отбор языковых средств и продуцирование сообщения производится автором текста в соответствии с коммуникативными требованиями количества, качества и релевантности передаваемой информации (Г. П. Грайс).

Чтобы удержаться в памяти, информация должна периодически повторяться, только таким образом она передается от одного цикла обработки другому, переводится из рабочей памяти в длительную. Кроме того, в процессе коммуникации «сигналы в звуково-слуховом канале... быстро теряют интенсивность» [7, с. 23] и человек нуждается в периодически повторяющемся акустическом образце. Следовательно, повтор – предпочитаемая человеком контактная модальность и важнейший способ производства смысла. Повтор используется и для остановки, дискреции семантического континуума с целью постижения последнего в одном из аспектов (с последующей классификацией и категоризацией), с целью оперирования фрагментами действительности, т. е. осуществления контроля над ситуацией.

Помочь адресату сориентироваться в потоке избыточной информации, выявить информационную структуру, зафиксировать и запомнить

наиболее важные постулаты политической программы позволяет использование повторяющихся производных слов. Поскольку процесс восприятия текста основывается в первую очередь на выявлении взаимосвязей квантов информации, словообразовательные элементы играют в этом случае роль языковых опор и позволяют понять смысловое единство текста: «Сегодня одна из наших приоритетных задач – **выработка** единой экономической политики... Нам предстоит не только проанализировать итоги **работы**... Предстоит откровенно и по-деловому поговорить о наших успехах и **недоработках**.» [8].

Производные слова рассматриваются нами как кванты информационного поля, конституирующие и обуславливающие связность текста. Производное слово (далее ПС) воспринимается как представитель серии форм, упорядоченных и в отношении их структурной организации, и по отношению к источнику их образования. Семантическая согласованность элементов деривационного комплекса достигается благодаря сохранению семного набора первичного ПС у последующих дериватов, семантическое развертывание – за счет добавления классифицирующих субкатегориальных сем. Деривативные комплексные образования эксплицируют логику мысли автора, делают ее ясной, прозрачной. Логическое, подчеркнуто рациональное представление референта апеллирует к разуму слушателя, способности рационально оценивать приводимые факты: «Сегодня у нас другая цель – дать равные шансы для улучшения своей жизни каждому гражданину, создать все условия для честной **работы** и достойного **заработка**.» [9]; «законы... были... приняты в ходе сложной, напряженной **работы** вместе с депутатами Государственной Думы... и я обращаюсь ко всем собравшимся с просьбой принять необходимые меры для того, чтобы все **заработало** и дало бы тот эффект, на который мы рассчитываем.» [10].

«Узнаванию» референта и, далее, продвижению в сознании реципиента системы взаимосвязей, образующих определенное информационное поле и окружение предмета сообщения, способствует комплекс повторяющихся производных слов с единой корневой морфемой: «Назрела необходимость серьезно подумать над образованием Евразийского альянса производителей газа... Я думаю, что будет правильно, если мы подключим сюда и страны через которые проходят **газовые трубопроводные системы**... Думаю, что создание подобного альянса позволило бы осуществлять эффективный контроль над объемами и направлением экспорта **центральноазиатского газа**, обеспечило бы формирование единого баланса производства и потребления **природного газа**, а также его экспорт через единый экспортный канал. Сегодня этим каналом являются **трубопроводные газовые сети Газпрома**...» [11].

Комплекс ПС является системой знаковых средств, которые имеют определенную общность морфологического строения, заданную информационную направленность и формируют микромагистраль информационного поля: «**военно-политические** последствия / **политические** решения / **внешняя политика** / **геополитические** позиции»; «продукция **военного** назначения / **военно-техническое** сотрудничество / экспорт **военной техники и технологий**». Расширение информационного плана политического дискурса осуществляется на формальном, аудиовизуально распознаваемом уровне. Переход от одного информационного блока к другому и экспликация связи, казалось бы, разных тематических пластов, осуществляется через введение синтаксических композитов. Введение композита выполняет суммирующую, результативную функцию, соединяя два разнородных информационных пласта и наполняя содержание качественно новым смыслом.

Динамика образа фокусирует внимание на определенном референте, повтор квантов смысла и смысловых блоков задает границы, которые в определенной степени детерминируют отбор информации реципиентом в процессе восприятия. Осознавая потенциальную открытость текста множественным интерпретациям, автор предпринимает ряд шагов, направленных на ограничение свободы воспринимающего. Он стремится посредством повторов зафиксировать «плавающую цепочку означаемых» (Р. Барт), сделать ускользающую содержательную материю «своей».

Предпочтение автором тех или иных языковых конфигураций неизбежно включает в себе определенный прагматический смысл. Повтор производных единиц не только способствует адекватной передаче своей позиции, но и помогает удержать собеседника в рамках авторской речевой стратегии, осуществляя своеобразный контроль за динамическим развертыванием информации в процессе ее репродукции и восприятия: «Может быть, в таком **неформальном режиме – незабюрократичном** – легче обсуждать многие вопросы, приходиться к каким-то решениям» [12].

«Конечно, “закрепление” смысла так или иначе всегда служит разъяснению изображения, однако все дело в том, что это разъяснение имеет избирательный характер» [13]. В результате, «текст как бы ведет человека... среди множества иконических означаемых, заставляя избегать некоторых из них и допускать в поле восприятия другие... зачастую весьма тонко манипулируя читателем, текст руководит им, направляя к заранее заданному смыслу» [13].

Многokrатное использование одной и той же словообразовательной модели, каждый раз получающей новое лексическое наполнение, служит представлению новой информации, которая на фоне общности словообра-

звательного значения воспринимается более отчетливо, обеспечивая рассмотрение вновь познаваемого через познанное. Весьма распространенной словообразовательной операцией в этом случае выступает аффиксальный повтор. Эмоционально-оценочный смысл возникает за счет многократного употребления аффикса в непосредственно следующих друг за другом словах, что повышает эффективность воздействия на сознание реципиента: «Думаю, ни у кого нет сомнения в том, что у нас с вами общие цели – добиться процветания России и ее граждан. И чтобы достичь этих целей, нужны *согласованные* действия... Диалог между ними и профсоюзами может стать мощным инструментом *согласования* общественных интересов... Позитивные результаты такого *сотрудничества* уже есть... Во многом благодаря усилиям именно вашего профсоюза, была создана *согласительная* комиссия и появился компромиссный вариант Трудового кодекса... очень рассчитываю на то, что российские профсоюзы окажут реальное действие решению стратегических общенациональных задач...» [9]. **Высокая экспрессивность текста** достигается повтором, сопоставлением и противопоставлением производных слов аналогичной деривационной структуры. Повтор производных единиц, характеризующихся определенной однотипностью синтаксических конструкций и общностью словообразовательной модели, создает эффект «нарастания», что, в свою очередь, способствует повышению эмоционального фона сообщения. Воздействие на эмоциональную сферу адресата подготавливает почву для не критического восприятия информации, что является единственно благоприятной средой для продвижения новых установок.

Прагматическая установка на эмоциональное воздействие часто реализуется посредством критического описания действительности. Было замечено, что негативная информация сразу же принимается во внимание как предупредительный знак о неблагополучии или отклонении от нормы. Этот прием используется и в политическом дискурсе (например, в период предвыборной кампании): «Кризис российской государственности имеет отчетливые признаки: *неуправляемость* властных структур» (Г. Явлинский); «20 млн – *безработные*. Около 10 млн – *бездомные и беженцы*» (Г. Зюганов); «нет и не будет гражданской силы там, где *слабость, неорганизованность, безволие, отсутствие четких ориентиров*» (Е. В. Савостьянов). Как видим, авторы создают яркий, зримый, апокалипсический образ действительности, суггестивно влияющий на восприятие информации. Впечатление усиливается за счет использования в рамках одного предложения целого ряда производных с отрицательным префиксом: не-, без-, де-, анти-. Передача негативных эмоций дестабилизирует индивида, ослаб-

ляет способность критического восприятия коммуникативного сообщения, делает человека в высшей степени поддающимся внушению.

С другой стороны, негативный модус политического выступления подчеркивает личную заинтересованность автора в происходящем как гражданина и человека, представителя «своего», а не «чужого» мира. Негативная приобретает смысл культурного деяния, поскольку позволяет аудитории проверить и упрочить существующую систему культурных ценностей. Смещается фокус критического, негативного внимания масс: в центре оказывается не автор, а оппонент.

Фокусирование внимания реципиента на негативном образе оппонента и совершаемых им действиях становится своеобразным способом снижения критического отношения к автору. Создание негативного образа (помимо редуцирования значимости программы оппонента) выполняет и консолидирующую роль, способствуя сплочению, организации масс вокруг «героя», политического лидера. Таким образом, изящно реализуются сразу две целевые установки политического лидера: дискредитация дискурса оппонента и убеждение в адекватности собственной программной позиции. Прием разложения компонентов ПС, их перестановки повышает экспрессивность фона высказывания: положим *предел беспределу*, без *уровниловки к равенству*, его *сила* – в *бессилии* российского общества.

Ярко выраженный конфликт, оппозиция автора по отношению к оппоненту не только дискредитирует политическую позицию последнего, убеждая массы в адекватности авторской политической программы, но и провоцирует ситуацию удвоения, повтора предлагаемых политических постулатов, выполняет суггестивную функцию, имплицитно воздействуя на сознание: программа патриота-государственника / программа антигосударственника; элемент *непредсказуемости* / партнерство на основе диалога и *предсказуемости*; отрасли экономики *неконкурентоспособны* / Россия... будет страной с *конкурентоспособной* рыночной экономикой; *неурегулированность* конфликтов / укрепление... институтов по *урегулированию* кризисов.

Прием «зеркальной презентации» референта сообщения, когда процессу отрицательной префиксации подвергаются лишь концепты, представляющие ценность для программы выступающего, достаточно распространен в современном политическом дискурсе. Сосредоточение внимания адресата на повторяющихся (в положительной и негативной интерпретации) компонентах смысла помогает эффективно представить собственную программу, одновременно способствуя удержанию внимания адресата на объекте речи.

Вместе с тем импульсная передача одной и той же информации сама по себе становится ценностью, обретает черты важного смыслового блока. Повторение того или иного информационного фрагмента является для нас индексом истинности информации о существующем положении вещей, информации, которую необходимо принять к сведению. В этом состоит убеждающий эффект любого повтора: даже в случае неприятия информации на рациональном уровне информационное множество, формируемое повторами, служит блокаде других, менее интенсивных информационных сигналов в сознании человека, заставляя сенсорные системы обрабатывать передаваемую информацию.

Вышеуказанные процессы приводят к ментальным подвижкам сознания, коррекции акционального и аксиологического базиса человека. Информационная избыточность делает инертным наше сознание, так как вследствие «знакомости» образа исчезает острота его восприятия, ослабляются верификационные барьеры сознания, открывая дорогу к области бессознательного, так происходит «когнитивное» кодирование человека. Эксплуатация автором подобного механизма воздействия приводит к регуляции ментальных установок реципиента, ориентации последнего на тот или иной поведенческий стереотип.

Итак, в рамках новой парадигмы наряду с функцией связности, интенсификации смысла, эмфатической функцией производного слова можно выделить контактоустанавливающую, прогнозирующую, изобразительную функцию, манипулятивную (регулятивную), суггестивную функцию и функцию эмпатии.

Библиографический список

1. *Антипов А. Г.* Словообразование и фонология: словообразовательная мотивированность звуковой формы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 113–114.
2. *Кубрякова Е. С.* Процессы транспозиции в концептуализации и категоризации мира // Лингвистика как форма жизни. Кемерово, 2002. С. 33.
3. *Zamuner V. L.* Speech production: Strategies in discourse planning: A theoretical and empirical enquiry. Hamburg: Buske, 1981. P. 34.
4. *Bruner J.* Actual minds, possible worlds. Cambridge, 1986. P. 75.
5. *Андерсон Дж. Р.* Когнитивная психология. 5-е изд. СПб., 2002. 496 с.
6. *Рафикова Н. В.* Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. Монография. Тверь. 1999. 144 с.

7. Osgood C. E. What is a Language? / Osgood C. E. // In: Aaronson D., Rieber R. (eds.) Psycholinguistic research: Past, present and future. N. Y. 1979.

8. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседании Высшего Государственного Совета России и Белоруссии 26 дек. 2001 г., Москва.

9. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на IV съезде Федерации независимых профсоюзов России 28 нояб. 2001 г., Москва.

10. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на совещании с членами Правительства РФ 14 янв. 2002 г., Москва.

11. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина в ходе российско-туркменской встречи в расширенном составе 21 янв. 2002 г., Москва, Кремль.

12. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина и ответы на вопросы в ходе совместной пресс-конференции с Президентом Французской Республики Ж. Шираком 15 янв. 2002 г., Париж.

13. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Г. К. Косикова. М., 1989. С. 306.

Л. Ф. Шангареева

Национально-культурная специфика семантики фе, характеризующих трудовую деятельность, в английском и русском языках

Национально-культурная специфика семантики ФЕ, характеризующих трудовую деятельность, в английском и русском языках, имеет свою особую и актуальную значимость при осознании глубин национального сознания. Данное исследование посвящено выявлению и сопоставительному описанию семантического поля ФЕ исследуемого типа и образно-мотивационных аспектов значения ФЕ. Исследуются универсальные и уникальные черты в семантике ФЕ обоих языков, определяется и описывается культурная коннотация через механизм культурной интерпретации всех содержательных компонентов исследуемых ФЕ.

Культурная коннотация, являясь интерпретацией компонентов значения ФЕ в категориях культуры, наслаивается на коннотацию как лингвистическое понятие. Каждый компонент коннотации ФЕ способен сообщить дополнительную информацию национально-культурного характера.